

11 КРУГОЗОР 68

КРАСНАЯ МЕЛОДИЯ

Интервью
Первого секретаря ЦК КПГ
Макса Реймана
«Кругозору»

*Zur roten fest
im Marxisme
Leninismus
4.10.68.
Max Reimann*

За окном берлинской гостиницы — флаги. Трехцветные, с рабочим гербом республики, в соседстве с красными полотнищами рабочего класса. Роте фане, «Красные от крови наших товарищей», — так сказала Роза Люксембург.

Человек, с которым я встретился незадолго до праздника 19-й годовщины ГДР, встал под красные знамена вместе с Люксембург. Его имя — в списке «500 профессиональных революционеров мира», составленном классовыми противниками.

— Я из рабочей семьи. Впервые с политическими событиями столкнулся в первую мировую войну. Речи Карла Либкнехта казались мне правильными и заинтересовали меня, — говорит он, а сам лукаво поглядывает: наново, мол, молодой человек, не слишком ли это древняя история?..

Я знаю: в девятнадцатом году его, солдата 41-й пехотной дивизии, судил военный трибунал за

участие в революционном движении; кенигсбергская крепость «Форт Штейн» — первая его тюрьма. Я знаю: вот уже четырнадцать лет в ФРГ существует ордер на его арест — листок бумаги с прокурорской подписью.

Макс Рейман улыбается своей «глубинной», немного грустной улыбкой, вспоминая долгую жизнь, каждый год которой укладывается во всеобъемлющий девиз: классовая борьба. И мы вновь возвращаемся в далекий 1916-й, на судовой верфь города Эльбинг, где профсоюзы и социалисты день за днем вели дискуссию, бастовать или не бастовать, а цель рабочих была едина: мир и хлеб. На одном из собраний выступил русский пленный. Макс Рейман до сего дня помнит слова этого слесаря, потому что тогда он впервые услышал слово «большевик»: «Немцы должны сделать, как и мы: большевики победили меньшевиков». А через не-

сколько дней они были вместе на демонстрации — немецкие рабочие и русские военнопленные...

В рассказе участвуют руины. Руины оратора твердым взмахом возвращают прошедшие годы, высекают те далекие мысли и чувства, от которых вспыхивают каплями синего света серые глаза. И в эти моменты совсем не трудно представить худощавого высокого человека — без резких складок на лице и прямой седины. Представить молодого узника каземата, а до этого — спартаковца, пятнадцатилетнего руководителя молодых металлургов. Представить, как ровно полвека назад после вспышки ноябрьской революции в Германии родилась, отмежевываясь от оппортунистов, коммунистическая партия немецких рабочих. Макс Рейман с первого дня в партии, и сегодня он ее руководитель.

— Никто не рождается коммунистом, — говорит Рейман в ответ на мой вопрос, что он считает наиболее привлекательным в нравственном облике коммуниста. — Только в борьбе можно приобрести те черты характера, которые дают возможность принадлежать к ведущей силе рабочего класса. Верность марксизму-ленинизму, партии Ленина, верность делу социализма была и будет масштабом морали коммуниста. Кто не имеет этой твердой веры, кто качается, как камыш на ветру, тот не коммунист.

Он рассказывает о своем друге Тельмане, возглавлявшем партию в самые трудные годы. О Тельмане, предупреждавшем мир: «Гитлер — это война», — о Тельмане — мужественном узнике Бухенвальда, о Тельмане, оставшемся в сердцах и мыслях немецкого народа.

Коммунист Рейман, работавший в подполье, был схвачен гестапо в тридцать девятом и водворен в Заксенхаузен, концлагерь. «Это было самое тяжелое время моей жизни. Главное — было остаться человеком». И больше — ни слова.

— Разрешите показать вам старую магнитофонную ленту! — спросил я. — Мы взяли ее в архиве Берлинского радио.

Он кивнул.

Зазвучала браваурная музыка конца сороковых годов, и динтор объявил о телефонном интервью с Максом Рейманом, только что освобожденным англичанами из Дюссельдорфской тюрьмы по требованию народа.

Мой собеседник замер: морщины обозначились на лбу, а пальцы нервно сцепили кисти рук, и я, ругая себя за неосторожность, попросил остановить запись.

«Отчего же? — сказал Рейман. — Продолжайте».

Наступила пауза...

Потом он стал говорить о задачах коммунистов ФРГ, о сплочении рабочего класса и всех прогрессивных сил, о борьбе с агрессивным капиталом. Он анализировал тонкости современного положения, и главные его слова были: единство действий.

— Завет Ленина о борьбе рабочих всех стран за освобождение актуален для международного коммунистического движения.

Он говорил, а я думал: «Вот прошло уже много лет, нет кайзера, нет Гитлера, нет Аденауэра и прочих. А человек, который полвека боролся с фашизмом и реваншизмом, сидит передо мной в кресле, привычно согнув ноги в коленях, и ладонью припечатывает к столу слова — главный вывод своей жизни: «Навечно с марксизмом-ленинизмом...» Эти слова он пишет в моем блокноте.

Чуть позже, когда речь заходит о юбилее, Рейман шутливо отмахивается:

— Никаких речей, никакого протокола. Будут тосты, музыка, танцы и, конечно, много друзей.

Я представляю, как пройдет день его семидесятилетия. Он войдет в зал, подтянутый, остроглазый, и, подняв бокал шампанского, скажет, как и сейчас: «Давление? Ерунда! Мы соьем его зарядом юмора и оптимизма».

Е. ВЕЛТИСТОВ

Берлин — Москва

Разговор с Максом Рейманом — на второй звуковой странице.

ОТВАГИ МЫ БОЙЦЫ

Слушайте шестую звуковую страницу журнала.

Лев ГУРВИЧ

Мне вспоминается 1926 год. Улицы вечерней Москвы озарены колеблющимся светом бесчисленных самодельных факелов. Двигутся от рабочих окраин к центру столицы комсомольские отряды. Молодежь в двенадцатый раз празднует Международный юношеский день. Звучат над колоннами песни итальянских, французских, немецких, польских, английских, шведских комсомольцев. Специально к МЮДУ их перевел Эдуард Багрицкий.

Я видел, как создавались переводы. Происходило это на квартире Бетти Глан, которая была в те годы секретарем русской делегации в Коминтерне молодежи.

Багрицкий, записав подстрочник, сразу приступал к стихотворному переводу. Время от времени он просил еще раз проиграть мелодию. Когда Багрицкий считал перевод строфы законченным, он громко, нарастающим голосом читал, вопросительно поглядывая на присутствующих.

Больше недели длилась работа над переводами. Багрицкий был увлечен.

— Вы, Эдуард Георгиевич, как бы снова слышите бой гражданской войны, — заметил заместитель редактора «Комсомольской правды» Яков Ильин.

— И бой грядущие, — ответил Багрицкий.

Песни стали популярными. Итальянскую «На баррикады» и польскую «Мы — красный полк Варшавы» можно иногда услышать и теперь. Но обычно без упоминания имени Багрицкого, их переводчика. Дело в том, что из десяти песен, переведенных Багрицким, только одну — «Красный полк Варшавы» — можно найти в его книгах. Остальные считаются «неизвестными». Но эти переводы не случайный эпизод творческой биографии поэта.

НЕ В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ...

из погелу, из жорода.

ишь услышу: Муром — сразу в памяти: как из славного города из Мурома, из того ли села Карачарова, пролегла дорога прямоезжая...

Это семикратное «р», как семь перекатов вешего грома. А в них нарек на издревле предопределенный Мурому удел — провозжать своих до поры безвестных детей в богатырские поездки. И глядеть им вслед глубокими до черноты глазами соборных колоколен. И вздыхать зеленым шумом густолиственных вязов. А дети, продлив богатырскими подвигами прямоезжую дорогу, из-за тридевятой земли, словно святогороду переметную суму, бросают свою нелегкую славу в дар незабвенной родине.

Казалось бы, Муром можно исходить вдоль и поперек за полдня. Но ощущение это обманчиво, потому что непрложимы привычные мерки там, где много веков трудилась история, уплотняя трехмерное городское пространство. И чтобы понять, что за город

Муром, надо медленно, не наблюдая часов, пройти его из конца в конец. От памятника Илье Муромцу до памятника Николаю Гастелло. И останавливаться на каждом шагу перед рукотворными свидетельствами нескудеющей славы России. И читать город, словно открытую книгу, которая учит, убеждает и наглядно доказывает, что нет неустроенных пустошей между бесписьменной древностью, летописной стариной и современностью, что прошлое и сущее — одно.

Дом Зворыкиных. Это и памятник старинной архитектуры. И пены изобретателя телевидения. И плотники, которые топором да пилой, как умели их мастеровые деды, подновляют обветшалую террасу зворыкинского дома, обходясь без подспорья техники, потому что «старый балясник надо и резать по-старому». И преклонных лет калачник Нефедов, наблюдающий за их спорной работой и говорящий с достоинством о себе: «Уж, значит, знамениты муромские калачники, если у нас в гербе три калача...»

Мальчишке известно, где находится машиностроительный институт — достопримечательность сегодняшнего Мурома, но вряд ли знает он, что в просторном здании этого института некогда помещалось трехклассное училище, в котором сидели за одной партой два будущих академика — Губкин и Куликов. И невдомек ему, что в городском театре звучали диалоги Стрепетовой и Ленского, что накануне своего покорившего Москву дебюта Леонид Собинов пел для муромцев, а спустя годы под сводами актового зала реального училища, внимавшего Собинову, перекачивались голоса молодых командармов революции.

А пока мальчишка знает, что славу его родного города поровну делят лишь два героя — Илья Муромец и Николай Гастелло. Он убежден, что под холмом, на котором стоял когда-то муромский кремль, запрятан богатырский меч-кладенец и что именно капитан Гастелло (он в двадцатые годы был капитаном юношеской

футбольной команды) забил гол в ворота сборной Швейцарии.

Еще он знает, что в Муроме делают тепловозы, радиоприемники и стиральные машины и что уже на его памяти места, которые были загородными, где он бегал, сшибая палкой репейники, теперь застроены высокими домами, обложившими старый Муром.

Всему свой срок. Может быть, потомки гонящего обруч мальчишки будут так же пристально вглядываться в оставленные им следы, как это делаем мы, снова и снова возвращаясь к началу прямоезжей дороги. А истоки ее — за славным городом Муромом, в былинном селе Карачарове, не побывать в котором все равно, что наклониться над родником, но не пригубить звенящей ключами воды. Там с помощью А. А. Золотарева я сделал записи, которые помещены на третьей звуковой странице.

Адольф ДИХТЯРЬ

г. Муром — с. Карачарово

Муром. От памятника Илье Муромцу — до памятника Николаю Гастелло. Фото Л. Лазарева.

Вот по этому отлоному съезду, затененному ветвями разморенных жарою деревьев, спускалась к переправе через Оку коляска, увозившая Пушкина в Болдинскую осень. И кто знает, может быть, именно здесь в лад копытному переступу впервые прошептал он начальные строки несбывшейся поэмы об Илье Муромце. А вверх, по Воеводской горе, в железной клетке везли на расправу Пугачева...

Гонит под гору обруч мальчишка. Только пятки мелькают да бугрятся под линиялой майной лопатки, словно прорастающие крылья. И нет ему покамест дела до тех, кем протоптана эта дорога. Он спешит. Ему еще не время торопеть в удивлении перед трехшатровым крыльцом Благовещенского собора. Откуда такая диковина? Есть двухшатровое крыльцо в Суздале. А трехшатрового — нет второго в России. И, как своему современнику, позавидует подросший мальчишка Богдану Цветнову, зодчему семнадцатого вена, не по заемным образцам творившему мастеру.

С. ЗИНН

Мы сидим с ним за столом, покрытым простенькой скатертью, и пьем холодный болгарский «Миснет». Уже третий час ночи, но в комнате, кроме нас, никого нет. Четыре койки пустые. А под окном поют терпине испанские песни и песни японские, и кто-то из американцев запекает «Мы победим». За окном просторная софийская ночь, высвеченная в зените крупнозернистым мерцанием звезд.

Налево от меня на столе фотоаппарат, лежащий объективом вверх. Направо — микрофон, а от него шланги, ведущие в радиомашину. Там перед магнитофоном сидит наш звукооператор Володя Илышев. Шофер Юра Мишаев лежит на заднем сиденье. Коричневая пленка наматывается на диск.

Я знаю, когда вернусь в Москву, то пропущу пленку через специальные генераторы и фильтры, чтобы сдвинуть частотные характеристики и сбить скорость. Я сделаю все, чтобы изменить этот голос. Ему возвращаться в Испанию, жить там, вести борьбу.

**ХОСЕ
И
АННА-МАРИЯ**

Я не спрашивал, как его зовут. Возможно, Хосе. Возможно, Пабло. Возможно, он из Валенсии, или из Толедо, или из Барселоны. Безымянный испанский друг, которому двадцать лет.

— Меня арестовывали несколько раз, — говорит он, — 30 апреля прошлого года у нас была большая демонстрация, меня задержали вместе с четырьмя друзьями. В полиции уже знали меня и на этот раз попытались заставить признаться в том, что я коммунист. Еще на улице они выкрутили мне руки за спину и раз пять ударили по голове. В номендатуре били по животу, потом нанесли несколько сильных ударов по ногам. После этого пять дней я не мог ходить.

Софийская ночь была тиха и просторна, и мне почудилось, что при этих словах Хосе Володя в своей машине закурил сигарету, а Юра завернулся на узком сиденье.

За окном сухой ветер ударил по раме. Чья-то гитара повела то-

ропливый, захлебывающийся монолог. В доме напротив один за другим гасли огни.

Он говорил ровно, не повышая голоса. Холодный стакан покрывался изморосью. Он делал глоток.левой рукой, не глядя, доставал из пачки сигарету и прикуривал от горячей, недожуренной, которую держал в правой.

— Сам я, — продолжал он, — из коммунистической семьи. Мой отец прошел все фронты республики, сражаясь с франкизмом, а потом восемь лет провел в фашистских застенках. Уроки жизни и политики я получил от него и старших братьев. Шесть лет назад я вступил в Союз коммунистической молодежи. Мы работаем в полном подполье. И каждый из нас знает, что завтра может очутиться в тюрьме. Они избивали одного нашего товарища, потом его за ноги подвесили к потолку и стали на его глазах избивать жену.

Но мы работаем, создаем организации, говорим испанцам о необхо-

димости политической борьбы.

левой рукой он достает сигарету... В этот момент дверь открывается, и Юра подает мне записку: «Спроси, как он сюда попал и как ему пришлось переходить границу?» Я не могу этого сделать. Я думаю о том, что ему только двадцать лет. И через несколько дней ему, маскируясь беззаботностью туриста, снова подавать свой паспорт на пограничном пункте. Или возвращаться каким-то другим, неизвестным мне, опасным путем.

— Мы пролетарии. Мы люди, которые защищают дело своего класса. Мы считаем, что должны противостоять фашизму как на улице во время демонстрации, так и в тюрьме. У меня есть друг, который девять раз был под арестом. В последний раз его схватили за то, что он организовал забастовку на фабрике. Когда его ввели в тюрьму, начальник сказал:

— Ты опять здесь?

— Я опять здесь, — ответил он.

— Ты расскажешь мне все от начала и до конца.

— Я не расскажу тебе ничего, даже если ты лишишь меня жизни.

Фабрика, на которой бастовал мой друг, принадлежала влиятельным людям. Когда пять тысяч рабочих после ареста моего друга отключили машины и фабрика остановилась, хозяева, терпящие огромные убытки, потребовали у полиции выпустить арестованного, потому что самое главное для них деньги. Тогда начальник тюрьмы явился в камеру и сказал:

— Выходи.

— Не хочу, — сказал мой друг.

— Не выводите меня из себя. Выходи, или я тебя убью.

Мой друг сказал:

— Пусть твои придут и вынесут меня.

Когда его вынесли наверх, за ворота, начальник крикнул:

— Забирай пожитки и сматывайся отсюда! Чтобы через минуту я тебя здесь не видел.

И мой друг сказал:

— У меня нет денег на дорогу, не пойду.

И тогда случилось невероятное. Этот жандарм вынул из кармана пятнадцать песет... (Внезапно Хосе рассмеялся.) Понимаешь, пятнадцать песет!..

Он рассмеялся и посмотрел мне в глаза. И будто сразу стряхнул с себя сдержанность воспоминаний. И остался только двадцатилетний парень, который любит играть в футбол и плавать в реке. Как и те парни, которые ехали со мной в фестивальный поезде, которые любят футбол и танцы и умеют строить, но у которых оказалась другая, легкая, как дыхание, счастливая в своих трудностях судьба. Но разве на его месте они не были бы таими же?

Он налил холодного вина в стаканы.

— За моего друга и борьбу.

— За твоего друга и борьбу.

— За моего друга, борьбу и победу! — уточнил он.

Потом он сказал:

— Знаешь, друг, а ты сфотографируй меня, если хочешь, на

память. Или давай сфотографируемся вместе.

Но я подумал, что позже он будет волноваться, что я потеряю негатив или, забыв об обещании, напечатаю фотографию. И я сказал:

— Мы сфотографируемся, если ты когда-нибудь попадешь в Москву. Или если я попаду в Испанию.

— Обязательно попадешь! — сказал он.

— И тогда мы пойдем в горы или будем купаться в море...

— Это будет тогда, когда...

— Или пойдем на бой быков, — предложил я.

Он сказал:

— Мы пойдем втроем. Ты, я и Анна-Мария... — Помолчал и добавил: — Если только она еще будет меня любить...

г. София.

На звуковой
странице —
рассказ
о любви.

Николай
УШАКОВ

4

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

● Не отречься от сказки старой — в просторы новые зовя, век электричества и пара пропагандирует себя. Свистят на все края и страны, пронизывают дымом мглу его машин левиафаны на яркоплиточном полу. Как сделать их ловчей и легче и как заставить их летать, как у веселых птичек певчих их перелеты перенять? Ему ума и воли хватит; меж поражений и побед к телеге он савраску пятит, но верит в свой велосипед. Ишь, нажимает на педали, дробит звоночком тишину, стремясь в иных уездов дали, как мы сегодня на Луну.

● Я — не мыслитель, не стратег, не чемпион арен и кортов, — я с малой буквы человек, я из застенчивых, но гордых. И не божественный глагол, а притяжение земное, но луч сверкнул, и сад расцвел, хотя ноябрь грозит зимою. В своем подвале овощном стучу на счетах равнодушных, но все вокруг, но все кругом внимает музыке воздушной. И на Вселенную гляжу зеницами, а не глазами, и в синий космос выхожу под голубыми парусами.

● Как регулярно красят рамы, как планоно растут дома... Поэзия — ты сверх программы, ты — неожиданность сама. Ты — вся — дорога-недотрога, дороги вовсе нет, но тут мгновенно и вашему порогу корабль воздушный подают. По автолестнице широкой взбегаете на лайнер свой, а он далеко, он высоко над панорамой мировой. Смотрите, — высота какая! Какие дальние концы! Бортпроводница молодая разносит в небе леденцы.

● Уважаемые вещи, отказаться ль мне от вас, дружелюбных, умных, вещей, помогавших столько раз? Отказаться ль от деталей, от подробностей страны, чем в дни мира мы дышали, воевали в дни войны? От ракет и от моторов, от блокнотов и от книг, от саксонского фарфора (жизнь вернул ему таджик). На базаре ваше блюдо осмотрел он, просверлил, не успели оглянуться, медной скобочкой скрепил. Не забуду быстрых, точных, чем Вселенная полна, — я корабликов цветочных, проплывавших вдоль окна. Отречься ли от вертуты с крепким чаем, например? Деревянного верблюда я привез из МНР. Он мне май напоминает и гусей с монгольских рек. Тает он — изнемогает, как на голом склоне снег.

5

Прежде чем пойти к Баху, мы неторопливо бродили по мощеным улочкам Эйзенаха. Среди сохранных временем домиков кирпичной кладки с деревянными переплетениями, уютных зданий поздней готики и стрельчатых кирх царила музейная тишина. Сюда не доходил ни гул трамваев, ни шум конвейеров автомобильного завода. Никто бы не удивился, если под черепицей мансарды распахнулось бы окно и зазвучала старинная песня миннезингеров, рыцарей любви.

Посидели в сквере, под бронзовым взглядом Мартина Лютера. Неподалеку, в местном замке, скрываясь от католического сыска, Лютер в уединении перевел Новый Завет с древнегреческого на живой народный язык. И положил тем начало единому немецкому языку. Грозным озоном для Эйзенаха были и Август Бебель с Вильгельмом Либкнехтом: они основали тут социал-демократическую партию.

Только почувствовав душу города, можно понять, как в этой зеленой обители Тюрингии родился мятежный дух Иоганна Себастьяна Баха.

Потревожив потемневший от давней службы колокольчик, мы вошли в дом. Некрашенные половицы, простая мебель, сработанная местным столяром люлька, сундук для приданого, медная кухонная утварь — скромный быт рода. Под низкими сводами с толстыми балками вечерами играл домашний оркестр; и в семейной капелле трогательно звучало чистое сопрано маленького Баха. Иногда он поднимался на башню собора с отцом, который трубой оповещал горожан о наступлении утра и вечера.

Мы старались представить себе, как далеким зимним днем девятилетний Иоганн Себастьян, потерявший отца и мать, с тяжелым сердцем взял в руки скрипку. Теперь она покоится под стеклом. А тогда — какие звуки тогда исторгали ее струны? Впереди музыканта ждали скитания и бедность, неудачи и унижения — проклятие, которое, по словам Гейне, лежит почти на всех великих умах.

Будут годы одиночества в семье старшего брата Христофа, отменного органиста, увы, не сумевшего понять огромного дарования мальчика. Будут пятнадцать лет службы придворным музыкантом. Будут три десятилетия скромной должности кантора церкви св. Фомы, отравленные недоброжелательством, мелкими придирками и склоками. И будет вечная снедающая жажда, как писал Вебер, строить настоящий готический храм искусства, будет никогда не оставлявшее его жизнелюбие, упорство, фанатическая преданность музыке.

Бор. МИХАЙЛОВ,
специальный
корреспондент
«Кругозора»

Фото автора

УБАХА

И.С. Бах,
бронзовый
гранданин города.

«Виола помпоза»
хранит тепло
баховских рун.

Эйзенах — город
почитателей Баха.

Тропа к истокам...

От прелестной ми-минорной фуги, написанной пятнадцатилетним Иоганном Себастьяном, до последнего органного хорала, который он, обессиленный и глухой, диктовал своему ученику за несколько дней до смерти, простирается бесконечный мир мыслей и чувств. В этом баховском мироздании взрывы страстей бушуют, как в галактиках, в мессах и кантатах, обнажая их философский дух!

Бах смотрел на нас с музейных портретов живыми глазами, в которых сквозили и твердая воля, и добродушие, и ироничность, и глубокая печаль. Широкий лоб, плотно сжатые губы, характерный тяжелый подбородок. Неизвестные художники старались польстить композитору. Таково заключение знаменитого доктора Гиса, который провел анатомические измерения его останков, обнаруженных почти через полтора столетия при раскопках лейпцигской мостовой. Но даже самые достоверные портреты не способны передать духовный облик гениального композитора. Это привилегия музыки.

В грандиозных культовых сочинениях для хора и оркестра он видится строгим и сосредоточенным, поглощенным мыслями; но зазвучала его сюита, фортепьянная пьеса — и слышишь, как смеется, брызжет простодушным юмором великий чародей. Бах увлекался ораторством и, возможно, поэтому любил орган, извлекал из его неведомых глубин мощные звуки, заполнявшие огромные пространства, потрясавшие страстью и блеском аккордов людские массы. Но случалось, отведав в набалочке рейнского, он играл на скрипке для подгулявших приятелей огневую жигу.

В одной из комнат мы листали книги Альберта Швейцера, философа и органиста, миссионера и музыковеда. Его фундаментальные труды о Бахе стали классическими. И вспоминались кадры документального фильма: в глухих джунглях у костра африканское племя слушает магнитофонную запись баховской мессы. Какое внимание, какие лица!

Его музыка созвучна прошлому, настоящему, будущему. Она современна, как современны для нас фрески Тассилини, скульптуры Эллады, храмы древней Мексики.

...Вышли из дома на улицу. Где-то за городом погромы хивала гроза, и, как в фуге Баха, шло противосложение стихий, и драма разрешалась молнией. А над черепичными крышами стояла семицветная радуга, облокотившись на зеленые холмы Эйзенаха.

Их восемь. Будапештские мосты связали холмистую Буду с равнинным Пештом, соединив их в имени города. Впрочем, как и многие людские судьбы. Будапештцы влюблены в мосты над Дунаем. Мосты не похожи друг на друга. У каждого свое инженерное решение, своя история, веселая или грустная, о каждом есть своя песенка.

МОСТ АРПАДА

«Приходи по мосту Арпада в маленький ресторанчик. Мы будем пить вино и есть халасле. И ты поймешь после первого поцелуя, что мы приятно проведем время в старой Буде». (Из песни.)

На мосту Арпада сошлись молодость и давнее прошлое. Он построен недавно — восемнадцать лет назад. Возраст юноши, а название от праотца народа. Вождь Арпад привел кочевые племена к этим берегам, чтобы основать Венгерское государство.

Мост Арпада длиннее всех других. Чуть ли не два километра. Есть возможность полюбоваться Дунаем, но...

Но мост ведет в район Буда, где много уютных ресторанчиков. И шагающий со стороны Пешта думает о крепком вине и рыбном супе халасле, скорее похожем не на уху, а на густой соус из карпа или сома. А кто идет обратно, уже не может обращать внимание ни на что.

По крайней мере, так поется в песенке.

МОСТ МАРГИТ

По этому мосту можно не только перебраться на другой берег, но и попасть на остров. «Маргит» означает «красивая».

У каждого будапештского моста свой год рождения. Это вторая половина прошлого или начало нынешнего столетия. Но год гибели у всех мостов один: тысяча девятьсот сорок четвертый. Отступая из венгерской столицы, немецкие фашисты разрушили мосты. Все до одного.

Самая трагическая участь постигла мост Маргит. Его взорвали среди бела дня. На мосту были люди, двигался транспорт. С тех пор о мосте Маргит не писали веселых песен.

ЦЕПНОЙ МОСТ

«Вечер зажег фонари и прикорнул на крыше. Дай мне руки и пойдем гулять по Цепному мосту». (Из песни.)

Говорят, что мост не зря висит на цепях. Когда идет дождь, его убирают в тоннель. Это, естественно, в шутку. Но в какой шутке нет доли правды! Тоннель ведь существует и как бы продолжает мост.

Говорят, что не случайно легли у входа на мост каменные львы. Сторожат, чтобы не сорвали цепи.

В день открытия моста все были в восторге от скульптур. Но вдруг кто-то закричал: «Смотрите, смотрите, львы без языков!» И эхом по толпе пронеслось: «Львы без языков». Скульптор был так огорчен, что бросился в Дунай.

МОСТЫ БУДАПЕШТА

Георгий ЗУБКОВ

Фото М. Трахмана

Все это предания. Но зато достоверно известно, что по Цепному мосту — единственному — не ходит трамвай.

МОСТ ЭРЖИБЕТ

«Знаешь ли ты мост Эржи — серебряный ковер над Дунаем? Приходи, я жду тебя там каждый вечер». (Из песни.)

К мосту Эржибет будапештцы питают особую привязанность. Их симпатии похожи на материнское чувство к младшему ребенку в семье. Когда мост строился, жители Пешта и Буды часами стояли на берегах. Они не просто наблюдали. Они обсуждали действия монтажников, горячились, спорили, давали советы. Когда мост построили, все разом пожелали взойти на него. И взошли. Мост чудом не рухнул.

В день открытия каждый мог пройти по мосту, но далеко не каждый мог проехать. Сначала прокатили традиционную бочку с пивом. За ней последовал автомобиль лучшего строителя. А затем радиоавтобус. И не только по долгу службы, а по праву почета.

Журналисты Венгерского радио были здесь частыми гостями. Они даже сочинили о стройке свою мелодию, весьма своеобразно смонтировав с музыкой документальные шумы.

Будапештцы дали последнему из восстановленных мостов любимое женское имя — Эржибет. Чаще всего они ласково говорят Эржи.

МОСТ СВОБОДЫ

«Откуда история парня послала отважно сражаться в чужие края? От волжских просторов, а может, с Урала он шел...». (Из песни.)

Мост Свободы упирается в основание горы Геллерт. На ее вершине воздвигнут монумент в честь советских воинов-освободителей.

О судьбе венгерской медицинской сестры Эржибет Турански и рабочего-текстильщика Василия Головцова из русского городка Тейково, чьи бронзовые двойники поднялись над Дунаем, «Кругозор» рассказал в первом номере шестьдесят пятого года.

МОСТ ПЕТЕФИ

«В Будапеште нет Эйфелевой башни, нет и Сены. Зато есть голубой Дунай и свои Большие бульвары. Я влюблен в Будапешт и скажу вам, что они ни в чем не уступают Парижу». (Из песни.)

Большое кольцо Будапешта пролегло между мостом Маргит и мостом, который носит имя великого поэта. Кольца Будапешта сродни московским. И трамвай там ходит с незапамятных времен. Только вместо «А» у него цифра «6». Большое кольцо Будапешта, как и наше Садовое, — важная городская трасса. А внешняя дуга, подобно московской окружной дороге, сплела проспекты-шоссе.

Поздним вечером темнота размывает холмы Буды. Пунктирами светятся контуры мостов...

Будапешт — Москва

БАЛАЛАЙКА

Помню, лежал я в сухой вечерней избе; по венцам плыли алые пятна света, все выше, выше и черному потолку; а за окном, совсем близко, легко и прозрачно тренькала балалайка: это старик хозяин вынес ее на тихий воздух, и, качая валенком, бил и бил слабой рукой в старинные струны. И нехитрый, но такой нежный, наивный мотив звенел в тишине. Я смотрел на уплывающие пятна солнца, они гасли, и только маленький язычок горел еще на сучках. «Неужели уйдут вся эта красота, эта прелесть, эти чудные звуки? Неужели унесут их с собой старики, оставив внукам и правнукам о своей игре только память?»

Я вспомнил эту избу, эти мысли теперь, когда в Москве пригласили меня послушать балалайку. Я шел, думая об этом инструменте, верой и правдой служившем народу, тешившем его, утешавшем...

Я слушаю, слушаю. Я полон противоречий. Не это ожидал услышать. В музыке — колокольные звоны, отзвук ночного города, полет в беспредельность — весь сегодняшний мир, душа человека

Кончилась, отлетела... Маленькая, словно раскаленная, балалайка...

Виталий Белецкий, отложив ее, говорит:

— Вы против этой музыки? Она не национальна? Но ведь национальное свойство не в традиции, не в форме, не в поверхностном признаке сходства. Оно — в глубоком, в глубочайшем генетическом чувстве, чутье, которое одно и то же и у скомороха, и у Чайковского, и у Стравинского. Я пишу для балалайки, связал с ней мою жизнь. Прежде, когда еще учился, играл на ней и вальсы Шопена и Вторую рапсодию Листа. Все это так нравилось слушателям, это приводило их просто в восторг, но огорчало меня. Я чувствовал в этом трюк. Вы не согласны? Шопен на балалайке, как хотите, а это аттракцион. Сущность, природа ее иная. И создана она для другого. Это полемический, живой инструмент. Для сходки, для пирушки, для мгновенно возникшего спора. Я был фанатиком балалайки и бросил ее, не находя подходящего репертуара. И снова вернулся к ней. Все живое в музыке создано в общении с инструментом. Я стал писать для балалайки. Нужно было доказать, что она инструмент, способный жить среди нашего мира. Это я и пытаюсь делать вместе с нашим ансамблем.

И снова музыка. И так странно, так сладко: два мира словно сплелись. Тот тихий, наивный, печальный, где нежное солнце осветило сухую завалянку, и парень с льняными кудрями крутит на коленях звенящую липку. И другой мир, где струны — раскаленные провода, и сквозь крохотный инструмент рвется, стараясь пробиться, все наше огромное бытие. Музыка эта захватывает. Она уже смолкла, а о ней думаешь, думаешь.

Александр ПРОХАНОВ

Слушайте девятую звуковую страницу.

Рисунки Р. Маланicheva

Думается, что Азнавура нужно слушать именно на пластинке. Как ни странно, выдуманная им превосходная мелодия, своей экономной красотой поднимающаяся до нетленных образцов старой французской песни, теряет свое обаяние на набитой динамиками эстраде. Если и есть тут доля преувеличения, то небольшая, на мой взгляд. С подмостков московского ли Театра эстрады, от ramпы парижского ли мюзик-холла «Олимпия» и публике неслась громкая, радиофицированная, почти без оттенков прекрасная песня Шарля Азнавура. Как раз в «Олимпии» я спросил его: «Зачем же все время фортиссимо?» Он ответил: «Публику надо схватить вот так (он крепко сжал кулак) и держать весь вечер». Он стоял маленький, усталый в камерке-артистической. И глаза были утомленные, но живые, а не равнодушные, как перед концертом, когда, выхватывая взглядом выкланивающихся из партера знаменитостей, он по обычаю представлял их: «Академик Марсель Ашар!» «Мой друг клоун Олег Попов!» «Мой юный друг и товарищ по сцене Антуан!...»

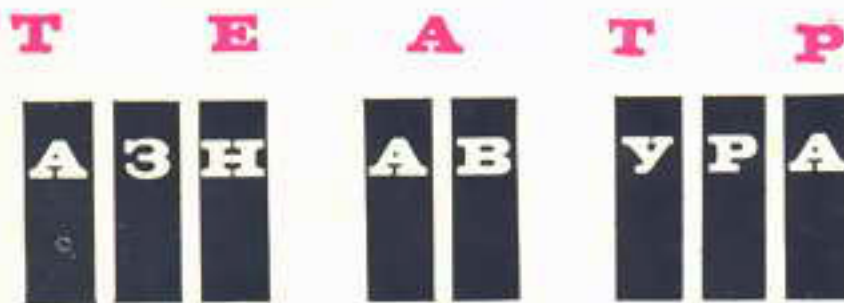
И вот отошел концерт с его шумом, с ровным гомоном антракта, с шипением срывающихся с места машин, увозивших премьерных зрителей.

Теперь можно открыть проигрыватель, опустить мембрану. Переслушать кое-что «из Азнавура». Вот интимное звуковое свидание с артистом, тоже ведь «не живого», а технического свойства, так сказать, сделанное, склеенное и смонтированное на студии. Но здесь нет расчета на партер или галерку. Здесь один ряд и одно кресло в самом первом ряду.

Из записи убрано все лишнее. В оркестр добавлены отменные солисты. Поверх вытканного ими тонкого звукового узора идет голос. Хриплый, простуженный, прокуренный. Почти как ваш, как мой. Почти...

О мелодии уже было говорено. Она облачена в роскошнейшую инструментовку. Оркестровые краски подбираются прямо в студии Барклэ эмпирическим путем. Импровизационный момент есть и в процессе сочинения. Правда, только момент. Азнавур сам крепкий джазовый пианист. Короткие, словно обрубленные, ловкие пальцы кажутся приклеенными к клавиатуре. Но пишет он без инструмента. «Я работаю почти как писатель», — говорит Азнавур. — Один или два часа в день. Может быть, ничего не напишется. Все равно сажусь за стол, чтобы писать. Чаще всего, как только найде-

на строка текста, тут же приходит мелодия. Но бывает, что и не приходит. Я дописываю слова и приглашаю другого автора сочинить музыку. Иногда нахожу только музыку без слов. Тогда зову поэта...»

О чем его песни? Иногда у нас любят отвечать на этот вопрос: «да ни о чем» (читай — «обо всем»). Это не про Азнавура. Сам он говорит совершенно определенно: «Мои песни о любви». Верно. Но любовь в азнавуровских песнях многолика. Она бестелесна и чувственна. Она неразделенная и страстна до сумасшествия. Она реальна, как химеры Нотр-Дам, и химерична, как стрелы этого собора. Она горька, как слезы старого отчаявшегося актера, и сладостна, как поцелуй «девчонки из моего квартала».

Он поет и о мачехе-жизни. К сорока годам он преодолел барьеры. Пришли богатство, слава. Но все равно Шарль Азнавур в своем монологе «О, жизнь» видит себя маленьким одиноким человеком, затерянным в большом городе. Где-то рядом проходит чаплинская тема, хотя контуры ее у певца прочерчены слабо, и от «Сэра Чарльза», как зовут Азнавура в Англии, до «Шарло», как зовут Чаплина в мире, есть еще дистанция...

Артем ГАЛЬПЕРИН

Феня ушла к себе за занавеску, не раздеваясь, рухнула в постель. Маша попросила Авдея проводить ее до дому.

Вернувшись, он зашел к Фене, потрепал ее за плечи.

— Ты чего это? Неужели спать улеглась?

— А тебе чего?

— Вставай. В лес прогуляемся.

— Ишь какой ты проворный! В лес... Вон Машеньку пригласи. Поди, радехонька будет. А меня уж оставьте в покое...

— Ты чего злишься-то? — спросил Авдей прямо.

— Что пристал? Я не девчонка, да и ты не марьяжный. Уходи! Слышь? Уходи!

— Ты его любишь, Феня?

— А тебе не все равно?

— Было бы все равно, не спрашивал бы.

— Люблю, коли вышла за него. Ты уходи. Дай мне одной побыть.

Авдей ушел, но его место тотчас же занял Апрель, возникший пред Фенею, точно приведение. Она молча, испуганно глядела на него. Апрель успокоил:

— Не бойсь. По делу я. Завтра сбор огурцов. Зови подруг и на зорьке — за реку, и желобам. Не опаздывайте только. Мне и так за вас от председателя влетело. Так что попроворней, Фенюха.

Феня собралась до света. Ей и самой хотелось уйти куда-нибудь из села, потому наряд огородного бригадира пришелся как нельзя кстати. За какие-то полчаса обегала все дворы, разбудила девчат — в том числе и Машу Соловьеву, — и, не дожидаясь их, одна пошла за реку.

Ни перед тем, как заснуть, ни утром она не думала о Филиппе Ивановиче, не думала и сейчас и вспомнила лишь тогда, когда споткнулась о бугроватый корень дуба, окаменевшим удавом растянувшийся поперек дороги, и сильно ушибла босую ногу. Пока растирала палец, поплеывая на него, как делала в детстве, пока боль постепенно угасала, в серд-

ФЕНИНО

це подымалась другая боль, глухая, скрытая и в то же время остро саднящая. Откуда это?

И Феня вспомнила про мужа и тут же решила, что провинилась перед ним — тяжело, непоправимо. И, как часто бывает в подобных случаях, она торопливо начала отыскивать теперь его вину перед нею, и та вина, конечно же, оказалась большей. Во-первых, он ее обманул. Сватаясь, утаил, что его могут послать в долгу, как он сказал потом, командировку. Что оно означает — командировка? Феня пыталась узнать у него, но он отделался шуткой, поцеловал, как ребенка, и опять назвал Ивушкой Неплакучей. Какая она ивушка? Ноги толстые и кривые, бедра как у битюга немецкой породы... Ничего себе ивушка!..

Феня вдруг остановилась, оглядела себя, подумала: «Что это я срамлю себя? Какой же я битюг? В поясе прямо-таки оса, и ноги не такие уж кривые и вовсе не толстые... Ну, а в чем же я-то виноватая?.. Ах, да, не проводила его по-людски. Надо бы выйти на улицу, поплакать у всех на виду, а можа, поехать с ним в Баланду. А я... Нет, не о том я...»

Феня чувствовала, что не в этом ее главная вина. А в чем? Она знала про то, но боялась признаться во всем даже себе самой. Авдей! Двоюродный дядя, в которого она влюбилась, как дурочка, и не могла, замужняя, скрыть этого ни перед матерью, ни перед отцом, ни перед теткой Авдотьей, ни перед ним, — последнее было особенно обидно и больно Фене. В этом-то и есть самая тяжелая ее вина, равная, пожалуй, измене.

Она присела на пенек, порушила малость пяткой притулившийся у трухлявой коры муравейник, но, задумавшись, не заметила этого.

— Ну, погоди! — погрозила она кому-то вслух, отряхнула ладонями муравьев и быстро поднялась с пенька. — Погоди! Не на такую нарвался, дружок мой милый. Я тебе не Машенька Соловьева. На шею не брошусь — не дожدهшься!

И это-то и было ее решение. Приняв его, Феня вздохнула свободно и легко, даже засмеялась тихо. Дальше не шла, а бежала, купаясь в росе,

не разбираясь, прямо окуналась в листья улыбающимся лицом. Сороки, не пуганные тут никем, с паническим стрелотанием выпархивали прямо из-под ее ног и долго еще оглашали лес испуганным своим русалочьим криком.

У речки по имени Баланда Феня, не задумываясь, сбросила с себя всю одежду, скомкала в один узел, подняла высоко в одной руке и, отталкиваясь ногами и свободной рукой, легко переплыла на спине на противоположный берег. Убежденная, что сейчас она одна во всем белом свете, не торопилась одеваться... Сорвавшийся из-под ее ноги ком земли покатился вниз, зашумел в талах и звонко бульнул в воду. Из-за талов тотчас же последовал сердитый окрик:

— Ты што это, шалава, принялась рыбу-то у меня пугать?

— Ой! — Феня схватила сразу всю одежду и прикрыла нагое тело. — Дядя Артем, и не стыдно тебе... подглядывать?

— Мне-то что стыдиться? Я вас в разных видах за свой век навидался... Нужно мне... Тут вот за поплавками хоть узреть!..

Апрель взмахнул удилицем и демонстративно завозился в талах, повернувшись к Фене спиной...

Девчата пришли, когда Феня насобираала уже целый ворох огурцов. С шести или семи лет усвоившая извечную формулу работающих людей относительно того, что глаза страшат, а руки делают, она не испугалась диких зарослей, в которых надо было отыскивать урожай, неожиданно оказавшийся обильным. Перед тем как сорвать огурец, она скажет ему что-то ласковое, как говорят ребенку: «Ах ты, мой зелененький; ах ты, мой рябенький, заждался, поди?» — или: «А ты что скрючился, горький мой? Водички, поди, не досталось?»

Феня наклонялась и говорила так каждому, а руки ровно и ловко шарили в траве, под огуречными шершавыми лопушками, отправляя в подоткнутый подол юбки один огурец за другим. Этот разговор был нужен ей и для того, чтобы тело не чувствовало усталости, а мысли ухо-

РЕШЕНИЕ

Михаил
АЛЕКСЕЕВ

дили от опасного сейчас для нее, и для того, чтобы время бежало незаметно, и для того, чтобы самой было повеселее, не одиноко.

Маша Соловьева, позавтракав из своего узелка, пристроилась к Фене и стала таскать огурцы в ее кучу. Феня видела эту хитрость (одна-то Машенька ни за что не выполнила бы нормы), но молчала: пускай бы работала! Время от времени Феня разгибала поламывающую спину, говорила подруге не столько с упреком, сколько с сожалением:

— Ну, что мне с тобою делать, Мария? Аль не видишь: топчешь ведь живые плети прямо с цветом? Они ведь еще родить должны!

— Подумаешь! — сердилась Машенька. — Аль свои?

— Дурочка. «Свои». А чьи ж, по-твоему?

— Колхозные.

— Дрянь ты, Машка, — тихо и устало говорила Феня и уходила, чтобы оказаться подальше от подруги.

От реки вышагивал Апрель, да не один. С ним был еще кто-то. Впрочем, Феня-то уже знала, кто этот второй. Авдей, конечно. Вот еще принесла нелегкая... Чего он тут не видал, городской чистоплюй?

Феня посмотрела на девчат, убедилась, что, кроме нее, на приближающихся никто не обратил внимания, упала на четвереньки и уползла далеко в сторону. Лебеда тут была еще выше, так что, если б Феня и поднялась, встала во весь рост, то и тогда ее не было бы видно.

Через некоторое время послышались голоса:

— Феня! Фенюха! Фенька!!!

Феня не отзывалась, испытывая ни с чем не сравнимую радость первой большой победы над чем-то страшным и злым...

Пусть их орут! Она знала, что делала...

Из нового романа «Ивушка Неплакучая».

Рисунок В. Сухомлинова

Максим
ГЕТТУЕВ

Всегда в дороге — днем и ночью,
Касаюсь трав, касаюсь круч:
Увидеть все хочу воочью —
Ведь в этом вдохновенья ключ!
Я был больным, я был

изранен...

Но мне светил ярчайший луч!
Я принимал к заветным

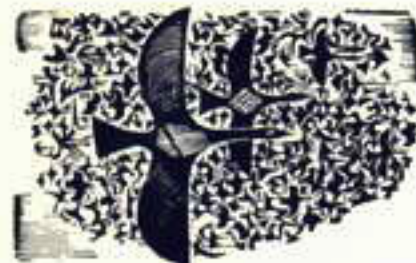
граням —

Ведь в этом вдохновенья ключ!
Народ мой, добрый и суровый,
Ты был и мягок и колюч...

Хочу идти с тобою вровень —

Ведь в этом вдохновенья ключ!

Перевел с балкарского
Юрий Хазанов.

Муса
ГАЛИ

Снова летят гусей караваны.
Гнезда им ладить. Птенцов

растить.

Пусть приютят их густые

туманы,

Пусть камыши их сумеют

укрыть.

Вновь возвращаются гуси на

север,

Крыльями ветер режут они.

Чтобы ты в силы свои поверил,

Ты на летящих гусей взгляни.

Гуси летят на север, как

прежде.

Ждет их на сытных озерах

ночлег.

Эй, человек, по этой надежде

Ты не стреляй, если ты человек!

Снова на север тянутся птицы.

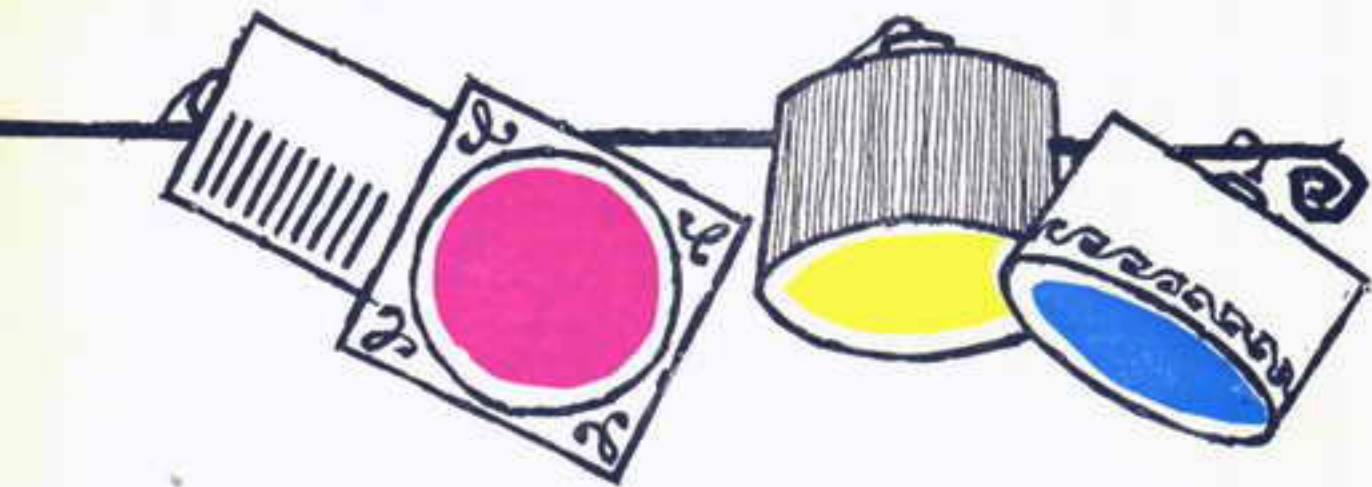
Вечен природы круговорот.

Все, что уходит, все

возвратится.

Гуси летят. Время идет.

Перевел с башкирского
Е. Храмов.

НЕТ ТЕБЯ ПРЕКРАСНЕЕ

Издавна замечено, что писать рецензии трудно и рискованно. Почему трудно, понятно каждому. Просвещенные читатели требуют от рецензента знания предмета, о котором он пишет. Но это, как говорится, еще полбеды. Сложнее другое: бывает, что с рецензией не соглашаются и читатели и братья по перу.

Чтобы облегчить труд авторов рецензий и сократить процент риска пасть жертвой полемики, на ниве критической мысли выросла и окрепла спасительная рубрика «Первые впечатления». В самом деле, как хорошо: посмотрел спектакль и с ходу поделился в печати своими впечатлениями, которые так прямо официально и названы — первыми. А ежели они первые, то с рецензента и спрос другой.

Так вот, не вчера — заметьте, не вчера! — я видел спектакль Ленинградского мюзик-холла «Нет тебя прекрасней».

Будь я поопытней, я бы тогда сразу выступил в печати под надежным укрытием вышеназванной рубрики. Но этого не случилось. Прошло время, и сегодня я снова убеждаюсь в том, что очень часто первое впечатление оказывается точным.

То, что я мог сказать месяц назад, выходя из зрительного зала, я с удовольствием говорю и сегодня: ленинградцы показали интересный, изобретательно оформленный и увлеченно разыгранный спектакль.

«Нет тебя прекрасней» — не концерт из разряда тех, которые частенько весьма произвольно именуются эстрадным представлением, а ревью в самом точном и широком смысле этого слова.

Прежде всего мне хочется приветствовать возрождение мюзик-холла — яркого, праздничного зре-

лица, насыщенного музыкой, балетом и иными разнообразными жанрами эстрады. В спектакле, созданном под художественным руководством Ильи Рахлина, большое число действующих лиц. Я мог бы помянуть добрым словом многих из них, но не делаю этого умышленно, можно сказать, с заранее обдуманном намерением. Я с удовольствием подчеркиваю успех всего спектакля, в котором каждый его участник своим мастерством и полной творческой отдачей способствует общему успеху. Это примечательная особенность ленинградского представления, достойная всяческих похвал.

Не знаю, с чьей легкой руки прижилась у нас точная и емкая формула: служба хорошего настроения. Многочисленные зрители с завидным постоянством заполняющие зрительный зал мюзик-холла, ежевечерне убеждаются в том, что все его артисты, режиссеры, балетмейстеры и музыканты горячо и талантливо несут эту службу.

Внимание! Тишина. Звучит увертюра. Медленно раздвигается занавес. Начинается спектакль «Нет тебя прекрасней».

Борис ЛАСКИН

Фото А. Лидова

*На эстраде
«Крусозора» — артисты
Ленинградского
мюзик-холла.*

слушайте

в

номере:

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

1. В звуковую книгу о Ленине. «Смольный: Всем! Всем! Всем!» Н. К. Крупская, А. А. Андреев, М. В. Фофанова, Н. Ф. Измайлов.
2. Коммунист — это боец. Разговор с Максом Рейманом в берлинском отеле. Октябрь, 1968.
3. «Муромец-то роду нашего...» У истоков легенды. Фонофильм А. Дихтяря.
4. Николай Ушаков. «Поэзия — ты неожиданность сама». Стихи разных лет.
5. «Я люблю тебя, Анна-Мария». Рассказ испанского коммуниста.
6. Революции эхо. Песни в переводах Э. Багрицкого. Обработка А. Мелитоняна. Исп. хор и оркестр Всесоюзного радио.
7. Шарль Азнавур: «Оттого, что я любил тебя», «При свете моей души», «Я возвращусь издалека» — слова Гарваренца.
8. Музыка на все времена. И.-С. Бах: фрагменты из «Страстей по Матфею» и Бранденбургского концерта № 2. Исп. М. Андерсон с оркестром Р. Шоу; Баховский оркестр Лейпцигского Гевандхауза — дирижер Х. Кох.
9. Трехструнное чудо. «Марш — гротеск», из цикла «Интонации», «Рондо». Исп. автор В. Белецкий (балалайка), Н. Розанова (ф-п), А. Понятовский (контрабас), А. Афонин (ударные).
10. Песенные премьеры: О. Фельцман, И. Шаферан — «Верю»; К. Кромский, А. Дмоховский — «Обещание весны», Поют Э. Пьеха, А. Горохов.
11. «У каждого — своя...» — песни мостов Будапешта.
12. Невский мюзик-холл.

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки:

«Вологодские
кружевницы».

Из программы
Ленинградского
мюзик-холла.

Режиссер
Н. Субботин
Художник
А. Луцкий
Технический
редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
233-73-94, 233-74-59.

В 03338. Подп. и печ.
16/X 1968 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 300 000 экз.
Зак. 2764. Цена 1 руб.

во
второй
год
первого
века

Можно ли сейчас восстановить, какие книги были изданы первыми в Советской республике? С этим вопросом «Кругозор» обратился в Государственный литературный музей.

Книги начали выходить на четвертом месяце Советской власти. В конце февраля 1918 года издательство АСИС (Ассоциация Социалистического Искусства) выпускает в свет поэму «Облако в штанах», где Маяковский в предисловии пишет: «Долг мой восстановить и обнародовать эту искаженную и обезжаленную дореволюционной цензурой книгу».

Но хронология культурной революции помечена и более ранними датами: в первых числах февраля вышли «Записки охотника» Тургенева. На серой бумаге, но зато огромным тиражом: он превышал сто, а то и сто пятьдесят тысяч. Стоила книга приблизительно столько же, сколько коробок спичек.

Вот строка из ленинского декрета о национализации изданий писателей-классиков: «...В первую очередь должно быть поставлено дешевое народное издание...»

В том же феврале следом за Тургеневым вышли собрания стихов Кольцова и Никитина.

...«Книжный голод вынуждает Комиссариат, не прерывая начатую подготовку новых изданий, перепечатывать классиков в спешном порядке по старым матрицам...»

Все сочинения Никитина, Пушкина, Гоголя и других писателей монополизированы Российской Федеративной Республикой сроком на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания и звукозаписи

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

И. С. НИКИТИНЪ

Полное собрание сочинений

Томъ I

Литературно-Издательский Фондъ
Всесоюзнаго Народногo Просвѣщенiя

А. В. КОЛЬЦОВЪ

СЕМЬДЕСЯТЪ
СОБРАНИЙ

Литературно-Издательский Фондъ
Всесоюзнаго Народногo Просвѣщенiя
МОСКВА
1922

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ
ДВѢНАДЦАТЬ

рисунки
Ю. АННЕНКОВА

МОСКВА
1922

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны».

Это — предисловие и выпускам. От имени Народного Комиссариата просвещения, от имени государства-издателя, государства, для которого монополизация просветительства равновелика национализации фабрик и заводов, а книжный голод объявлен опасностью, равной голоду, разрухе.

...10 февраля «Правда» напечатала стихотворение Демьяна Бедного «Коммунистическая Марсельеза».

Демьян Бедный в те годы очень популярен. В 1918 году выходит до десяти его отдельных сборников, в 1919-м — девятнадцать. Знакомый всем эпиграф он помещает на многих книгах:

«Демьян Бедный,
мужик вредный,
просит братьев-
мужиков
поддержать
большевиков».

«Коммунистическая Марсельеза» очень быстро издается в Москве и развозится по фронтам. Известно, что она была у красноармейцев, одержавших победу под Нарвой и Псковом.

Это 23 февраля. А 21-го Петроград объявляется на осадном положении. С балкона Александра Блока виден перекресток, где всю зиму дежурит красногвардейский пикет.

«Гуляет ветер, порхает
снег.
Идут двенадцать
человек...»

3 марта поэма «Двенадцать» публикуется в одной из петроградских газет. В октябре выйдет отдельное издание с иллюстрациями Юрия Анненкова. Многие строки

СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ

ПОЭМЫ

Сергѣя Есенина

МОСКВА
Издательство Государственной Книжной
Палаты 1922 г. 100 стр. 1 руб. 20 коп.

О
В
Л
О
В
Ш
Т
А
Н
А
Х

Демьянъ Бедный

ВЪ ОГНЕННОМЪ КОЛЬЦѢ.

МОСКВА
Издательство Государственной
Книжной Палаты 1922 г. 100 стр. 1 руб. 20 коп.

МОСКВА
Издательство Государственной
Книжной Палаты 1922 г. 100 стр. 1 руб. 20 коп.

поэмы белым по красному — на революционных плакатах, так что она на слуху у самых широких масс.

Кто-то из восторженных читателей адресует Блоку стихи.

«И вы, что нежностью питали ожесточенные сердца, вы под знамена наши встали, чтоб вместе биться до конца».

«Под нашими знаменами» — и молодой поэт Сергей Есенин. Издательство «Московской трудовой артели художников слова» выпускает сборник его поэм «Сельский часослов», где и знаменитая революционная «Товарищ».

Дата выпуска сборника проста: «Второй год первого века». «Сельский часослов» появился в августе, а осенью еще одно крупнейшее событие. 7 ноября — премьера «Мистерии-Буфф». Книга вышла несколькими днями раньше. Успех огромен. «Единственной пьесой, — писал Луначарский, присутствовавший на премьере, — которая задумана под влиянием нашей революции и поэтому носит на себе ее печать, задорную, дерзкую, мажорную, вызывающую, является «Мистерия-Буфф» Маяковского».

...И снова зимой, но уже в конце года выходит Альманах мировой литературы под редакцией Горького. В нем переводы Шиллера, Франса, Беранже, Гейне... Это первый подступ к работам издательства Всемирной литературы, организованного в следующем, 1919 году. Третьем году первого коммунистического века.

Олег ТОЧЕНЬИЙ,
старший научный
сотрудник
Государственного
литературного музея

A landscape photograph of a field with haystacks and a forest under a cloudy sky. The sky is filled with large, white, fluffy clouds against a blue background. In the foreground, there are green and yellow plants, some of which are out of focus. In the middle ground, there are several haystacks scattered across a green field. In the background, there is a dark, silhouetted forest. The overall scene is peaceful and rural.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

*Юных снов моих земля,
Где еще мечтать так сладко?..*

Ян Райнис

Цена 1 руб.